

ВЛАДИМИР ШТРУЛИС

«...СМОТРИ, ОПЯТЬ ПРОЗРАЧНАЯ ЛУНА ПОКРЫТА ПЫЛЬЮ СЕВЕРО-ВОСТОКА»

I

Сенечка Шварцбанд... Как много в моей жизни связано с этим человеком. Он всегда излучал столько энергии, юмора, знаний! Его хватало на всех. А как он читал стихи! Он мог часами читать наизусть Пастернака, Мартынова, Пушкина, Маяковского, Цветаеву, Ахматову, Бродского и множество других поэтов. Причем в то время он читал вещи, которые еще не были изданы, а ходили только в рукописях. Именно он помог мне по-настоящему полюбить литературу и поэзию. Конечно же, читал он и свои стихи, которые тоже производили на меня сильное впечатление, да и сейчас я их частенько вспоминаю. Вот например:

«Человек начинается не с рождения,

Человек начинается от сомнения,

И, отвергнув людские ясности,

Он уходит в страну беспокойства.

Человек начинается с отвержения праздности

И рождается в копоти поиска.»

Я очень любил бывать у них дома: и когда еще был студентом, и позже приходил к нему всей своей семьей. Это был очень гостеприимный дом. Здесь

всегда тебе были рады и всегда ждали. Это воистину был дом открытых дверей: у них всегда были люди, всегда слышался смех, споры...

Сенечка – удивительная натура. Он закончил Даугавпилский педагогический институт, и его увлекла литературная исследовательская работа. И вот он все бросает и с семьей уезжает на Алтай, в город Бийск. Работает там в Бийском педагогическом институте на кафедре русской и зарубежной литературы и попутно готовится к защите кандидатской диссертации, для которой выбирает одну из актуальнейших проблем современного пушкиноведения: анализ проблематики образной системы, концепции, стиля «Повестей Белкина». И, судя по отзывам специалистов (профессора кафедры русской литературы ЛГПИ им А.И. Герцена, доктора филологических наук А.И. Гербстмана, заведующего кафедрой русской литературы ЛГУ профессора Макогоненко, доцента, кандидата филологических наук А. Аленчева), успешно с ней справляется. И вот тут-то начинается чехарда. Ему не дают возможности защититься, придумывая различные причины. Здесь мне хочется немного прервать повествование о прошлом и перенестись в настоящее. У меня в руках книга Самуила Шварцбанда под названием «История «Повестей Белкина», вышедшая в 1993 году в Иерусалиме (Магнес Пресс, Еврейский Университет). А тогда ему приходилось мотаться из Бийска в Ленинград, Москву, в Ригу- и все безуспешно. Именно в тот период родились такие строчки:

Я звонил на квартиры и просился прийти,

И звонки как раны, застревали в груди,

А столичные люди отвечали баском,

Что свиданий не будет, и молчали потом...

Нет, тогда я не умер....

Да, тогда он не умер, но ему пришлось бросить работу и вернуться в Ригу. Она все же находилась ближе к Ленинграду. Но попытки защититься по-прежнему заканчивались неудачей. Думаю, что теперь не надо объяснять, почему это происходило. Его принадлежность к 5 графе была написана на его лице.

И все же, несмотря ни на что, он продолжал бороться, работать над собой. Он был старше меня на десять лет и острее чувствовал безысходность сложившейся ситуации не только с ним лично, но и в стране в целом. Вот почему в 1979 году он подал документы на отъезд из СССР.

И тогда –то началось невообразимое (впрочем, как и со всеми, кто собирался покинуть страну Советов). Их – Самуила Шварцбанда и его жену стали увольнять с работы и не принимали на новые места, и в то же время не разрешали выезд. А жить - то надо было! Тогда же Самуил Шварцбанд устраивается грузчиком в один из Рижских магазинов , а также ездит в Даугавпилский педагогический институт читать лекции по русской литературе. В это же время он становится составителем журнала «Пятая тетрадь» и выпускает его. Но любое увлечение во времена застоя национальной культурой, изучение истории еврейского народа и языка квалифицировалось однозначно – сионистской пропагандой. И семье Самуила Шварцбанда пришлось пройти унижение обысков и других вещей, которые в то время включались в хорошо отработанный сценарий. В 1982 году он вместе с семьей покидает СССР...

Вам не понять того, что я, не чувствуя,

Не ощущая ваших ощущений,

Наполнен электронными безумствами

Совсем иных, других соотношений.

Вы сами информацию на биты

Переводной картинкой переводите

И жизнь мою к конечным алгоритмам

(как цвет) не разлагаете, а сводите.

Но пусть мой ум, трепещущий от датчиков,

Пробитой перфокартой использован,

Я, как и вы, остался черным ящиком,

Не принятый, не uznанный, не познанный...

Так писал Самуил Шварцбанд в одной из своих поэм. И действительно уезжал из Союза «не принятый, не uznанный, не познанный...»

II

Перед самым отъездом Сенечка отдал мне свой архив и попросил по мере возможности его сохранить. Шли годы. До нас доходили слухи, что начало их жизни на новом месте, как и для всех вновь прибывших, было далеко нелегким. Однако и здесь многосторонний талант этого человека приходит ему на помощь. Ведь Сенечка здорово рисует – это было его хобби – он в Юрмале уходил на природу с мольбертом и рисовал... А так как в Израиле огромное количество рижан, то заказов на природу бывшего родного края было много. Но не это было его конечной целью. Основное – это литература, и он продолжает поиски работы и попадает в Иерусалимский университет на кафедру славистики.

Тем временем в бывшей стране Советов появился новый руководитель – Михаил Горбачев. Страна стала просыпаться от спячки. Все с огромным вниманием сначала следили за его выступлениями. Он говорил без бумажки и порой не очень связно, но его речь была как шокотерапия. А потом и все стали говорить друг другу все и обо всем, упиваясь звучанием собственного голоса.

И вот в разгар перестройки в 1989 году я написал статью о Самуиле Шварцбанде и отдал ее в газету «Советская молодежь», в которой в 70 годы он работал внештатным корреспондентом, публикуя интереснейшие истории в рубрике «Литературные детективы». Заканчивал я статью словами «И я верю, что Самуил Шварцбанд станет профессором этого университета».

Параллельно из его архивов я составил и переплел первый сборничек его стихов . И когда появилась оказия, переправил ему этот сборничек.

Однако со статьей не все было гладко. Я отдал статью в редакцию, а сам с женой уехал в гости к сестре в Атланту. Когда же вернулся, оказалось, что моя статья утеряна. Мне пришлось принести материал повторно, и его все-таки опубликовали...

Но самое радостное для меня было то, что все это послужило толчком для издания Сенечкой нескольких сборников стихов в Израиле («Черепки» – 1990 год и «Летаргия» – 1995 год), о чем он мне сам сообщил в надписанной мне книжке. Мне хочется здесь привести одно из стихотворений второго сборника, которое на мой взгляд будет близко многим:

Изумрудны стеклышки осколков

Стеклотары нищего вина:

Нам не умереть от перетолков

И не очочуриться от сна.

Вот и ты был выписан из «Книги

(С подленькой добавкой) домовой»,

Чтоб по закоулкам Старой Риги

Не спешил с надеждами домой.

Больше не сбежишь от домочадцев

В первый переполненный состав,

Чтоб на шпалах в Дубултах качаться,

Вывихнув у Майори сустав.

Надо же как доля начудила,

Вырвала последний корешок,

По реке веночком запустила

И в стаканы вовсе не «чернила»,

Судьбы разлила на посошок...

Ш

Мне хочется сказать несколько слов о судьбе родного брата Сенечки – Григории Шварцбанде. Он служил в армии, в ракетных войсках и уже к сорока годам дослужился до звания подполковника. Казалось, что военная карьера ему обеспечена. Но вот его мать с отчимом подают документы на отъезд на постоянное место жительства в государство Израиль. И – тут же последовало увольнение из армии в запас. А через некоторое время и его семья (жена с двумя детьми) подали документы на отъезд в Германию. Естественно, что Гришу никуда не выпустили и ему пришлось оформить развод, чтобы могли уехать из страны жена и дети. А как он любил своих мальчиков!!!

Ему суждено было просидеть в отказе более 10 лет. Именно с ним в Риге произошел анекдотический случай – уже находясь долгие годы в отказе, он был вызван в военкомат и ему сообщили ... о присвоении очередного звания полковника! Прошли годы и наконец-то ему удалось уехать в Германию. А вот совсем недавно мы узнали, что Гриша Шварцбанд умер... И вот в Израиле выходит третий поэтический сборник Сенечки «СХОЛИИ», который начинается со стихотворения, посвященного, как он пишет «Брату Григорию, Гришеньке, Гри..»

О наградах не грезил, о славе не чаял.

И по небу не ползал, и к земле не причалил.

Да и эти странички, как листья осин,

Покружаться и лягут на топи трясин,

У которых не роду, ни имени нет,

А тем более речи... И умный сосед

«Се ла ви» пробормочет, нажав на стартер.

Вот и все. Остального не вижу в упор.

Но пока трепыхаюсь – краду у ночей

Примечания к жизни твоей и моей.

IV

Самых теплых слов заслуживает и жена Сенечки – Роза. Они познакомились еще студентами, когда учились в Даугавпилском (Двинском) педагогическом институте. И с тех пор все время вместе. Она всюду следовала за ним – это и латвийская деревушка Калупе, и город Бийск Алтайского края, и Рига, и Израиль. Теперь к перечисленным городам можно добавить и многочисленные города Европы, куда она сопровождает своего мужа. Они вырастили замечательную дочку Сонечку, которая и сама сейчас имеет троих детей – двух мальчиков и одну девочку, которых также помогает растить Роза. Впрочем, лучше чем сам Сенечка о своей жене наверно никто не скажет:

Листая книгу тонкую, дичок,

припомнишь говор, хриплый и горячий,

И пыль сметешь с моих небритых щек,

Как будто я – не фото, настоящий.

*Мы редко ворковали и всегда
войну вели за то или за это,
и стоило немалого труда
дойти вдвоем из Двинска до Толедо.*

*Уборка, стирка... И уже одна...
И я не позвоню... И не нагрюну...
Налей себе тосканского вина
и вытащи закладку из Ростана.*

*...Приходит полночь. В Пате – тишина,
привычно все, немного одиноко...
Смотри, опять прозрачная луна
покрыта пылью северо-востока.*

Мне хочется привести здесь и еще небольшое стихотворение из поэмы
«Узелки» посвященной Розе:

*Я, как и все, в своем житейском сне
пьянел от муки в радости и горе:*

*сожги со мною рукописи, мне
в летейской стуже надобно другое.*

*Слова всегда не больше, чем слова,
и жизнь не меньше смерти, и не больше –
они имеют равные права,
и счастье только кажется, что дольше*

*бегущих стрелок времени на круг
разлуки предстоящей... И затишье
поэтому разгладит, как уют,
измятые во рту четверостишья...*

*Их перечтут? Какая польза в том...
Забудут их? Ни боли, ни мороки...
Еще я есть, но без меня – потом
окажутся без плоти звуков строки.*

*Вот почему, пишу или кричу,
я все равно из человеческой речи*

летейское безмолвие учу,

труднейшее из мысленных наречий.

V

Мы недавно вернулись из поездки по Италии. Увидели много интересного и каково же было наше изумление, когда в новом сборничке Сенечкиных стихов прочли созвучные нашему настроению и восприятию Италии строчки:

Я Рим люблю не столько за красу

цветущих крыши или заросших зданий,

я Рим люблю за то, что на весу,

как на ладони, держит мирозданье.

Еще за миф о вечности люблю

с волчицами, крестами и орлами,

за роскошь льда под маринадом блюд,

за дымку на вечерней панораме.

Еще за то люблю., что духота

замешана на аромате вони,

когда не с неба – с узкого моста

летят созвездья в римские ладони...

...А я и не знал, что от Рима глупеют,

Точнее, от счастья кружить и кружить

За виллой Боргезе по виа Помпеи

И думать, и думать, что стоило жить.

И думать, и думать, что в мире награды

Нет выше, чем видеть Траяновый столп,

Хотя бы для этой ночной променады

Под кронами пиний с потоками толп –

От Пинчио вниз – по Систине,

Где цоколь

Египетской стеллы расписан мелком, -

И пусть со стены улыбается Гоголь

Своим беспокойно-юродивым ртом...

И закончить этот рассказ о Самуиле Шварцбанде мне хотелось бы тоже его четверостишием, которое на мой взгляд говорит очень о многом:

Есть две чужбины – Запад и Восток.

Теперь я понял, почему лениво

Вода морская в Хайфе на песок

Выносит тину Рижского залива...

Теперь Самуил Шварцбад , профессор Иерусалимского университета, является лауреатом многих мировых Пушкинских премий, полученных за создание и выпуск Пушкинских сборников (первый из которых вышел в Иерусалиме в 1997 году). Он читает лекции не только в университете, но и во всех странах мира.

VI

Это стихотворение было послано Сенечке на его 70 ление:

А кажется не так уж и давно

С тобою в шахматы подолгу мы играли.

И всё на свете с жаром обсуждали,

И не было тогда нам всё равно.

А как ты нам тогда читал стихи!

Ты знал их множество – мы мало чего знали.

Не шелохнувшись мы тебе внимали,

Моля тебя: «ещё, ещё прочти» !!!

А поиски совместные грибов –

Мы с Розкой помним «чудные мгновенья»,

Как вы бежали быстренько, без слов,

На подосиновиков «красное свечение».

А можно ли забыть про шашлыки?

Ты в Вайвари искусно их готовил!

А с мясом блинчики?! Уж что ни говори,

Ты курсы кулинарные освоил.

Но нас с тобою жизнь развела.

Живём теперь совсем мы в разных странах.

Но память нас ещё не подвела:

Всё, видишь, помним как это не странно.

А ты добился всё же своего!

Судьба тебя за всё вознаградила!

«И в Хайфе волны моря твоего

Выносят пену Рижского залива»!

И вновь настал солидный юбилей.

Мы все тебя сегодня поздравляем.

Вина в Израиле скорей себе налей,

А вот в Атланте СЕНИ не хватает!!!

Совсем недавно к его 78 летию я написал ему следующие строчки:

Милый Сенечка! Мне тебя так не хватает!

Я тоскую по нашим беседам ночным,

Хотя каждый, конечно, из нас понимает,

Невозможно вернуться к годам молодым!

Невозможно! Но как бы опять мне хотелось

О поэтах с поэзией потолковать!

Чтоб твоими устами стихи те пропелись,

Чтобы в смысл каждой строчки вникать и вникать!

Чтоб опять очутиться с тобою на даче,

И продолжить беседу за шашлыком.

Да и как же могло быть тогда иначе?

В этом деле отменным ты был знатоком!

Или молча стоять за тобой наблюдая,

Как рождается на холсте,

От мазков твоих оживая,

Вид, до боли знакомый мне!

Вот все это сейчас вспоминаю

И смотрю на улыбку твою.

Она душу мою согревает:

Обнимаю, целую, люблю

На это посвящение я получил замечательный ответ от Сенечки, тоже в стихах:

На день рождения в годы наши

Скрипеть пером?

Помилуй, друг!

По мне не лучше, хуже - кашу

Варить из слов пустых!

На дух

Не выношу я славословье

Сентиментальных стариков

Про счастье или про здоровье

До ста иль больше!

Но готов,

Немного выпив, брат сердечный,

Хоть до утра болтать с тобой

Про рай, а, может, ад крошечный

Нам уготованный судьбой!

И, поминая на рассвете,

Друзей, которых с нами нет,

Вернемся в прошлое, как дети,

Без груза "шесть на десять" лет...

За нашу молодость, за наши

Мечты, надежды, - где бокал?

Налей по полной!

Но без каши-

Её господь нам намешал.

Очередное день рожденья

Приходит с радостью к любому,

Чтоб стать еще раз песнопеньем

Любви и нежности и дому...

VII

А в начале сентября мне удалось побывать в Израиле и остановиться у Сенечки дома, где нас, как всегда, очень радушно встретили. Где мы смогли увидеть и его жену (мою двоюродную сестру) и его дочь Сонечку с мужем Шарликом. и детей Сонечки Габика и Мирочку уже с их детками...

Вернувшись в Атланту я послал Сенечке письмо (как оказалось уже последнее...)

Дорогой Сенечка! Я так благодарен судьбе и моей жене Розе за то, что сумел со всеми вами (и особенно с тобой) увидеться. Опять насладиться замечательно приготовленными блинчиками с мясом, салатиком из авакадо и жаренной рыбкой. Твои кулинарные способности ничуть не утратили былого

совершенства... Но самое главное это то, что мы сумели провести с тобой несколько замечательных часов под стопочки Грей Гуса и бокалов Кампари. Если твое здоровье меня очень огорчило: ведь ты мне запомнился в замечательной спортивной форме, с бицепсами гимнаста, который мог в любую минуту на пляже сделать стойку на руках, а потом на них пройти приличное расстояние, то теперь я увидел тебя задыхающимся после нескольких шагов... Но твой живой взгляд во время нашей беседы, читки своих стихов и твой азартный рассказ о том, над чем ты сейчас работаешь - возвращали меня к так хорошо знакомому мне Сенечке!!!

Огромное всем вам спасибо за гостеприимство и замечательно проведенное время в ваших пенатах. Обнимаю и целую. Я.